

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

рассказы

ПИКАНТНАЯ ОШИБКА

Моя жена Наташа тоже работала в университете. Когда лекции у меня начинались утром, то мы вместе ехали на работу. В метро, на одной из остановок в вагон зашли три девицы и встали напротив нас. В одной из них я узнал мою студентку курсовичку. Она весело болтала со своими подружками, смеялась и, пробегая взглядом, совершенно не замечала меня. Мне даже стало обидно, что студентка не обращает на меня внимания и не здоровается. Через некоторое время у нее в мозгу вдруг что-то сработало, она прервала смех, резко обернулась, посмотрела на меня и смущенно пробормотала:

– Ой, Анатолий Михайлович, здравствуйте. Извините, я вас одетым сразу и не узнала.

Я тоже смутился от двусмысленной фразы и как-то неловко ответил:

– Привет.

После минуты неловкого молчания Наталья тихо спросила меня:

– Интересно, а раздетым она тебя узнает сразу?

– Тоже не сразу, – отшутился я.

В аудитории на самой дальней парте у окна сидела всего одна студентка – длинноволосая симпатичная

блондинка. Она любовалась на себя в зеркало и в ушах у нее торчали наушники от плеера. Даже у дверей была слышна какая-то попсовая музыкальная какофония. Четко долбил ударник и девица ритмично дергалось под его звуки, как будто ей в голову забивали гвозди.

Увидев меня, девица отложила зеркальце, вытащила из ушей оба наушника и поздоровалась.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – я положил на преподавательский стол конспект лекций. – Высшая степень проявления уважения к преподавателю со стороны современного студента, это, когда он вынимает из ушей оба наушника. – А где остальные? – С видом солидного гуру спросил я. – Что, все теперь ходят на учебу к четвертой паре, как в университете дизайна?

Дело в том, что сын подруги нашей семьи Виталик Правдилов учился в этом институте и уверял мать, чуть ли не каждый день, что ему нужно идти учиться только к четвертой паре. Как далеко шагнула лень! Когда я учился в университете, то утром говорил родителям, что мне ко второй паре.

– Сейчас ребята подойдут, у нас лекция была в главном здании, – просто ответила девица.

Я сел за стол, пробежал глазами конспект, и вдруг вспомнил, что мне надо вместе с этой студенткой проводить производственную практику и ехать отбирать пробы почв около иловой площадки северной станции аэрации городских канализационных стоков.

Вот уж никогда не думал, что когда-нибудь буду заниматься проблемами осадков канализационных стоков. В девяностые годы по заказу Водоканала там проводил геохимические исследования почв мой старший

брат Геннадий и усиленно приглашал меня принять в них участие. Какие никакие, но все же деньги в те трудные для науки годы. Но я отказался, так как писал грант на изучение петрологии острова Гогланд в РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований и очень рассчитывал его выиграть. Но судьба распорядилась по-другому, и, став доцентом кафедры экологической геологии, я неожиданно вернулся к этой теме. Одна из студенток на производственной практике не смогла собрать материал на курсовую работу, и надо было помочь ей сделать какое-то исследование на базе кафедры. Но экологическая геология наука совершенно новая, а студентов много и материалов на курсовые работы мало. Вот я и вспомнил про геохимические работы брата. Используя его старый отчет по геохимической съемке почв вокруг полигона.

В условиях общесплавной канализации, когда коммунальные стоки соединяются со стоками промышленных предприятий, в осадки поступают тонны химических веществ первого и второго классов опасности, таких как медь, свинец, хром, кадмий, цинк, ртуть и др. Накапливаясь в осадках очистных сооружений, они могут загрязнять грунтовые воды и почвы, прилегающих к полигонам территорий, представляя серьёзную опасность для населения. Полигоны это прямоугольные ёмкости глубиной до десяти метров, обвалованные глиняными барьерами для защиты от загрязнения грунтовых вод и окружающих почв. Однако загрязнение компонентов природной среды – поверхностных и грунтовых вод, почв все равно может происходить либо при ливневых наводнениях в картах, либо при ветровой эрозии в периоды засухи.

Суть курсовой работы состояла в том, чтобы определить, не загрязняют ли окружающие почвы илы сточных вод, хранящиеся в обвалованных глиной котлованах.

И тут мне почему-то показалось, что именно с этой блондинкой я должен ехать отбирать пробы в район иловой площадки. И договоренность об этой поездке у нас уже была.

– Ладно, – сказал я, обращаясь к студентке, – пока никого нет, давай договоримся, где мы с тобой в субботу встретимся.

– Студентка с легким удивлением на меня посмотрела, положила на парту зеркала, и немного кокетливо ответила:

– Давайте.

«Чего это она кокетничает, будто я ее на дискотеку приглашаю», – мелькнула, было, мысль, но я суровым голосом доцента спросил:

– Ты где живешь?

Студентка назвала незнакомую мне улицу.

«Вроде она жила в общежитии в Петергофе, – вспомнил я, – но, наверное, сняла комнату в городе, а, то у наших студентов на дорогу до университета и обратно уходило больше четырех часов в день».

– Какая там самая ближайшая станция метро?

– Пионерская.

– Ну, не очень удачно, но ладно, я подскочу туда к одиннадцати часам на машине.

– А какая у вас машина, – снова кокетничая, спросила студентка.

– Ока.

– Ну, не очень шикарно, – разочарованно промямлила она, – ребята называют ее «капсула смерти».

– Ока это высокоскоростной отечественный автомобиль невиданной проходимости, – строго сказал я.

На практике в Импилахти студенты постоянно издевались над моей машиной, которую я ласково называл «кикимора», а они «пепелац» как летательный аппарат из кинофильма «Кин-дза-дза». Однажды ночью они даже пытались пристроить на крыше автомобиля деревянный винт и чуть капот не поцарапали.

– И какой же скорости она может достигать?

Как раз накануне я возил двух поляков в Выборг, и на скоростном шоссе мне удалось разогнать оку до ста тридцати километров в час и удерживать эту скорость около десяти минут. Правда тут же один за другим снаружи раздалось четыре хлопка, и когда я остановился и осмотрел машину, то оказалось, что встречным ветром у нее оторвало сразу четыре самодельных резиновых брызговика.

– Ока может достигать скорости двести километров в час, – соврал я, немного обижаясь за свой автомобиль.

– Ну, наверное, не вся, – нахально усмехнулась девица, – а отдельными частями.

– В конце концов нам не в автогонках участвовать и для наших целей она как раз отлично подойдет, – заверил я, – проходимость будь здоров! Не всякий трактор проедет там, где прошла Ока. Заберу тебя, и мы поедем.

– Куда? – удивилась студентка.

– Как это куда? – она стала меня уже доставать своими ужимками и этим дурацким зеркальцем. Я ради нее в свой законный выходной еду отбирать пробы во-

круг дерьмохранилища, а она тут дурочку непонятливую из себя корчит.

– На помойку! – твердо сказал я, так как говорить: «полигон иловых площадок сточных канализационных вод» было длинно, а «дерьмохранилище» неудобно.

– Какую? – встрепенулась студентка.

«Ну, ты меня уже достала своей догадливостью», – с раздражением подумал я, а вслух сказал:

– На которой дерьмо городское хранится, забыла что ли?

– Нет, Анатолий Михайлович, это Вы с Рыбиной на помойку, поезжайте, а я занимаюсь кладбищами.

И тут я вспомнил, что эта студента действительно изучала процессы разрушения мраморных памятников в акрополе Александро-Невской лавры, и я спутал ее со своей курсовичкой.

– Ну, спасибо, что сразу не отказала, – поблагодарил я.

В дверь толпой вошли студенты, и я приступил к лекции.

Вернувшись домой, я рассказал Наталье как спутал свою курсовичку с другой девицей и еще приглашал ее на Оке съездить на помойку, и как она, между прочим, не сразу отказалась.

– Как же можно путать студенток, ты же с ними на практике в Импилахти целый месяц был.

– Там они почти все время ходили раздетые.

– Я смотрю, ты своих студенток одетыми тоже не сразу узнаешь.